

PORTA TEMPORIS

ДЖУНГЛИ ВНУТРИ НАС

Как мозг прокладывает тропы,
зарастает старым и освобождает
место для нового

Феникс Фламм

Феникс Фламм

Джунгли внутри нас

«Автор»

2026

Фламм Ф.

Джунгли внутри нас / Ф. Фламм — «Автор», 2026

Эта книга о том, как опыт становится привычкой, почему старые реакции продолжают влиять на нас и как человек осваивает новые способы действовать. Сквозной образ — внутренний ландшафт: одни тропы протаптываются, другие зарастают, некоторые можно открыть заново. Первая часть — притча о проводнике по имени Хорхе, который знает джунгли, но не знает храма. Через его слова вводятся четыре понятия: сжатие, проложение, неиспользование, ведение. Центральное слово — «сель». Это не «лес» и не «джунгли». Не место, куда ты пришёл, и не пространство, по которому идёшь. Сель — это то, что происходит. То, что идёт сквозь всё. Сель часть тебя, а ты — часть сель. Вторая часть — научный слой. Что известно о привычках, памяти, пластичности, сне и синаптическом прунинге. Отдельно разбирается термин «тёмные нейроны» — как напоминание: видимый след не сообщает, чем он вызван. Книга предлагает язык для наблюдения за собственным поведением: дневник троп, малые эксперименты, карту перемен.

© Фламм Ф., 2026

© Автор, 2026

Феникс Фламм

Джунгли внутри нас

КАК МОЗГ ПРОКЛАДЫВАЕТ ТРОПЫ, ЗАРАСТАЕТ СТАРЫМ И ОСВОБОЖДАЕТ МЕСТО ДЛЯ НОВОГО

От автора. Как читать эту книгу

У этой книги две части. Они про одно, но говорят на разных языках.

Первая часть — «Джунгли внутри нас». Это история. Человек приезжает искать храм, находит проводника по имени Хорхе, входит в джунгли и учится видеть то, чего раньше не замечал: тропы под ногами, сжатие в руке, старую дорогу, которая ведёт не туда. Здесь нет сносок и терминов. Здесь есть имена, диалоги и четыре слова, которые герой уносит с собой.

Вторая часть — научный слой. Те же главы, но другими словами. Не притча, а разбор: что известно о привычках, памяти, пластичности и сне; где метафора помогает, а где её нельзя принимать буквально; что установлено, что предполагается, а что остаётся авторским образом. Здесь осторожность важнее красоты.

Если ты пришёл за историей — читай первую часть. Она самодостаточна. Ничего важного не потеряешь, если остановишься на эпилоге и не откроешь вторую.

Если ты пришёл за фактами и механизмами — можешь начать со второй части. Она тоже самодостаточна. Притча там не нужна, чтобы понять, о чём речь.

Если хочешь и то, и другое — читай подряд. Сначала главу-историю, потом главу-разбор. Они стоят друг напротив друга и говорят об одном, но не повторяют друг друга.

Чего эта книга не делает.

Она не диагностирует, не лечит и не заменяет разговор со специалистом. Она не утверждает, что метафора джунглей описывает устройство мозга. Она предлагает язык: четыре слова из первой части и несколько осторожных понятий из второй. Что ты с ними сделаешь — твоё дело.

Джунгли не читают карт. Карта не знает джунглей. Но человек, у которого есть и то, и другое, — не заблудится. И не потеряет себя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЖУНГЛИ ВНУТРИ НАС

Пролог. Карта, которой мы не видим

Я прилетел в Манаус, где вода пахла илом, бензином и мокрым деревом. Это город, как известно, стоит там, где чёрные воды Рио-Негро встречаются с мутными водами Солимоинс и долго не желают смешиваться.

Меня привело не любопытство. Я ехал разыскать Храм.

О храме я знал немало. Но это были в основном только стандартные легенды о его целебной силе. Он был затерян где-то в джунглях, далеко от города, за реками, за землями, которые на картах обозначали зелёным и почти не подписывали. Кто-то говорил — в глубине резервации. Кто-то — что храма вообще нет, а есть только старая миссия, давно оставленная людьми. Кто-то шептал, что дорога туда существует только в сезон малой воды, а в остальное время её съедают джунгли.

Признаюсь, эти рассказы насторожили меня, но не испугали. И я поехал.

У меня была карта. Старая, купленная в лавке у человека, который продавал всякую всячину и не задавал вопросов. На ней были реки, просеки, отметки высот и аккуратная красная линия, которая должна была привести к храму.

И ещё был компас.

Не простой латунный компас, каким пользуются туристы, чтобы почувствовать себя путешественниками. Современный прибор: ударопрочный корпус, электронный компас, барометрический высотомер, GPS, спутниковая связь. Он умел запоминать маршрут, показывать отклонение от курса, предупреждать, если я сойду с пути. Он стоил как половина моей поездки. Продавец в магазине снаряжения сказал, что с таким не заблудишься даже в джунглях.

Я поверил ему.

Я думал, что этого хватит. Карта — чтобы знать, куда. Прибор — чтобы знать, где. Разве этого мало? Разве этого когда-нибудь мало?

Я собрал рюкзак, купил билет, сел на пароход вверх по реке. Я думал: неделя — и я на месте. Может, две. Может, три, если погода.

Я ошибался.

Я не знал тогда, что карта — это не местность. Что спутник — это не дорога. Что лес не читает карт, не смотрит на экран и не спрашивает, сколько процентов заряда осталось в навигаторе. Он живёт по своим правилам, и эти правила не записаны нигде.

Я не знал, что мне понадобится не карта и не прибор. А человек, который знает лес, но не знает храма. Как я знаю храм, но не знаю леса.

На моей родине места, где много деревьев, называли просто: лес. А если деревья стояли стеной, если между ними не видно неба и до ближайшей дороги можно было дойти только по компасу — тайгой. Я вырос с этим словом. Тайга означала простор, холод, смолу, мох под ногами и уверенность, что если идти прямо, то когда-нибудь выйдешь к людям.

И я переносил это слово сюда.

Для меня всё это тоже было лесом. Большим, тёмным, непривычным — но лесом. Я думал: джунгли — это просто южная тайга. Только жарче. Только деревья выше. Только вместо сосен — пальмы и лианы.

Я ошибался.

Джунгли не были лесом. Они не были даже тайгой. Они были чем-то совсем другим: не пространством между деревьями, а живой, плотной, дышащей массой, в которой каждое растение боролось за свет, за место, за путь. Здесь не было пустых прогалин, как в тайге. Не было тихих просек. Не было привычного ощущения, что за ближайшим поворотом откроется дорога.

Здесь всё росло внутрь. И всё росло сквозь.

Я понял это не сразу. Сначала мне казалось, что я просто попал в особенно густой лес. Но уже в первые часы я понял разницу: тайга молчит и ждёт. А джунгли не ждут. Они растут, обвивают, перекрывают, затягивают. Они никогда не оставляют человека наедине с собой — они сразу входят в него: в кожу, в дыхание, в ритм шагов.

Это были самые настоящие джунгли.

И я ещё не знал, что именно они научат меня главному: карта — это не местность. А привычное слово — ещё не понимание.

Но всё это я понял потом.

А тогда после аэропорта я уже вскоре сходил с парохода на берег — в маленьком порту ниже Манауса и беспечно зашагал в сторону кромки леса. Я был счастливый, уверенный, с картой в руке и навигатором на груди. Я включил прибор. Спутники нашлись. Координаты определились. Точка назначения мигала на экране.

Всё сходилось.

Я пошёл в лес.

Лес не встретил меня. Он меня не заметил. Сначала я шёл по краю, где ещё были тропы. Я сверялся с картой. Я смотрел на экран. Стрелка держала направление. Всё сходилось. Я шёл правильно.

Через два часа я понял, что иду не туда.

Карта сходилась с местностью. Навигатор показывал север. Но река, которая была на карте, кончилась. Не в том месте. Не так. Она просто ушла под землю, и тропа, по которой я шёл, тоже кончилась. Я стоял и смотрел на стену леса.

На экране по-прежнему мигала точка.

Будто храм был в двадцати минутах ходьбы. Будто достаточно повернуть налево — и прибор сам доведёт. Начинало темнеть, и моя решимость заметно поубавилась. Я знал, что путь неблизкий и что мне нужно будет неделю, возможно, чуть больше спать в джунглях. Палатка у меня была. Я не запаниковал, но в ту минуту мой внутренний голос стал нащёптывать, чтобы я побыстрее выбирался из леса.

Я вернулся в порт. И начал искать проводника. И тут я впервые понял, что моё путешествие затянется. Я искал его три дня.

Я заходил в лодочные мастерские, спрашивал у рыбаков, у владельцев маленьких лодок, у людей, которые продавали снаряжение и знали, куда уходят реки. Я показывал карту. Я называл координаты. Я говорил, что мне нужен человек, который знает эти места и согласится идти со мной.

Почти все отвечали одинаково.

— Туда не ходят.

Кто-то качал головой. Кто-то говорил, что в сезон дождей там не пройти. Кто-то спрашивал, зачем мне храм, и, услышав ответ, замолкал. Один старый лодочник долго смотрел на карту, потом на меня, потом снова на карту. Он сказал только:

— Здесь реки меняются. А ты ищешь дорогу, которой нет.

Другие не спорили. Они просто крутили пальцем у виска.

— Храм? — переспрашивали они. — В джунглях?

И отворачивались.

Я не обижался. Я понимал: для них я был ещё одним городским человеком с дорогим навигатором, который решил, что джунгли — это большое лесное приключение. Они видели таких. Наверное, не раз.

Но я продолжал искать. Не потому, что был уверен. А потому, что не мог вернуться, не попробовав.

И на третий день мне сказали про старика у третьего причала.

Мне сказали: у третьего причала, возле лодок, которые никто не чинит. Он там. Каждое утро. Смотрит на воду.

Он и правда смотрел на воду. Спиной ко мне. Худой, седой, в рубаше, которая была белой когда-то. Я подошёл и сел рядом на камень. Он не обернулся. Мы сидели молча, наверное, с четверть часа. Потом я сказал:

— Мне нужен храм. У меня есть карта.

Он не спросил, кто я. Не спросил, зачем мне храм. Он просто повернул голову. И посмотрел на меня так, будто я сказал что-то, чего он ждал всю жизнь. Но не верил, что услышит.

— А на твоей карте точно тот храм? Ты узнаешь его? — спросил он.

Я не знал, что ответить. Да, я примерно знал его вид. Видел на картинках в интернете. Составил представление по чужим рассказам. Читал про него в старой книге без картинок. Я знал, как он выглядит изнутри. Но слов у меня не было.

— Я его узнаю, — сказал я. — Когда увижу.

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Я знаю сель.

Я не понял.

— Что — сель?

Он не ответил сразу. Он смотрел на воду. Потом повторил, медленно, как будто проверял, услышу ли я:

— Сель.

Это слово я слышал впервые. Он произнёс это по-португальски. Не «лес», не «тайга», не «сельва». Просто «сель». Коротко, мягко, с выдохом на конце. И оно было странное. Оно не было похоже ни на «лес», ни на «тайгу». В нём было что-то другое — не название места, а имя живого. Я подумал, что, наверное, так здесь называют джунгли. Но я не был уверен.

— Джунгли? — спросил я.

Он едва заметно кивнул.

— Сель.

Это было всё. Не «я знаю, где храм». Не «я знаю, как идти». Но он видимо знал лес. И этого было достаточно.

— Как тебя звать? — спросил я.

— Хорхе.

Он не добавил ничего. Ни фамилии, ни откуда он. Просто — Хорхе. И этого было достаточно.

Я спросил:

— Ты был там?

— Много раз.

— И он действительно такой, как про него рассказывают?

Он не ответил. Он смотрел на воду. Я подумал, что обидел его. Потом понял: он не обиделся. Он думал. И то, что он думал, было важнее ответа.

— Я ходил в сель тридцать лет, — сказал он наконец. — Я знаю каждую тропу. Каждое болото. Каждое дерево, у которого можно переночевать. Но я не знаю, куда идти. Я всегда шёл куда-нибудь. Просто чтобы идти.

Он повернулся ко мне.

— А ты знаешь зачем тебе храм?

— Знаю.

— Тогда идём.

Он встал. Не спросил про деньги. Не спросил про сроки. Не спросил, кто я и откуда.

— Завтра, — сказал он. — Сегодня — ко мне.

Я не понял. Я думал, что мы пойдём в лес сейчас. Я был готов. Я хотел идти. Я уже ждал этого.

— Зачем? — спросил я.

Хорхе посмотрел на меня. Один раз. Коротко.

— Ты не готов.

И пошёл. Я двинулся за ним.

Дом Хорхе стоял на краю порта. Не дом — хижина. Одна комната, низкая крыша, окно без стекла, закрытое тканью. Внутри — кровать, стол, полка с инструментами. Верёвки. Мачете. Фляга. Мешок с сухарями. Всё старое, но всё рабочее.

Он не стал меня развлекать. Он молчал. Он дал мне воды. Он дал мне сухарей. Он показал, где спать. И ушёл — куда-то, по своим делам.

Я сидел на полу и не понимал, что происходит. Я готовился к лесу. Я не готовился к этой хижине. Я не готовился к тому, что мы не пойдём сразу.

Он вернулся поздно. Он принёс верёвку. Длинную, толстую, пахнущую смолой.

— На, — сказал он. — Учись вязать.

Я не понял.

— Зачем?

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который не понимает, зачем ему верёвка в лесу.

— Затем, что сель не спрашивает, готов ли ты.

Я взял верёвку. Я не умел вязать узлы. Я никогда не умел. Хорхе сел напротив и показал. Медленно. Один раз. Потом второй. Потом сказал:

— Делай.

Я делал. Плохо. Криво. Он смотрел. Он не поправлял. Он ждал, пока я сам пойму, где ошибка. Это было долго. И это было важно.

Через два дня я умел вязать один узел. Плохо, но умел.

— Хватит, — сказал Хорхе.

— Одного?

— Одного хватит. Остальные — в сель.

Мы пошли на второй день. У меня была карта. Я купил компас. Я думал, что они пригодятся.

Хорхе посмотрел на них — один раз, коротко — и ничего не сказал. Я не понял тогда, что это значит. Я понял позже.

Мы шли через порт. Мимо лодок, мимо сетей, мимо людей, которые не смотрели на нас. Он не оглядывался. Я тоже. Мы вышли за город, и дорога кончилась, и началась земля, по которой никто не ходил.

Я тогда не знал, что мы идём не просто в лес. Я думал, что мы просто идём к храму. Я тогда не понимал, что лес в этих местах — это тоже храм. Только построен не из камня, а из меня. Из того, что я забыл. Из того, что я делал, не замечая. Из троп, которые я протоптал сам, даже не зная, что протаптываю.

Мы шли. Солнце поднималось, но в лесу было всё также темно. Хорхе молчал. Я тоже. Я не знал, что сказать. Я знал только одно: он знает лес, а я знаю храм. И этого хватит, чтобы дойти.

Так началась эта история. Пока — дорога. Пока — утро. Пока — два человека, и у каждого половина карты.

Глава 1. Начало тропы

Лес изменился на второй день после хижины.

Я не сразу это заметил. Тропа ещё была, свет ещё пробивался, Хорхе шёл так же ровно, как и раньше. Но что-то сдвинулось. Как будто лес перестал нас вести. Раньше он показывал дорогу — пусть трудную, но дорогу. Теперь он закрывал её. Мы шли, но каждый шаг был против. Не потому, что стало труднее. А потому, что направление исчезло.

Я достал карту. Карта была старая. Чернила выцвели, кожа потрескалась, но линии были видны. Река, лес, дорога, храм. Я вёл пальцем по линиям и узнавал их. Вот здесь мы прошли вчера. Вот здесь свернули. Вот здесь должна быть река.

Реки не было.

Я посмотрел на Хорхе. Он не смотрел на карту. Он смотрел вперёд.

— Хорхе.

Он обернулся.

— Здесь должна быть река, — сказал я. — Вот. На карте. Я вижу.

Он подошёл. Он посмотрел на карту. Долго. Потом сказал:

— Ты её видишь. Сель — нет.

Я не понял.

— Как это — лес нет?

— Сель не читает, — сказал он. — Он есть.

Я сел на камень. Я смотрел на карту. Она была правдой. Я её покупал. Мне её продали. На ней была река. И храм. И дорога.

Но я шёл по лесу. А лес не знал про карту.

Вот тогда я впервые понял, что карта — это не местность. Это то, что я думаю о местности. У меня есть история про лес. Как у каждого человека есть история про себя. «Я такой». «Мне нельзя». «Я справлюсь». Эта история нарисована. И потому кажется правдой. Но она — не я. Она — то, что я о себе думаю. А лес — это то, что есть. И когда я иду по карте, а не по лесу, я теряюсь. Не потому, что лес сложный. А потому, что я верю карте больше, чем лесу.

Хорхе не стал меня утешать. Он встал.

— Пойдём.

Я сложил карту. Я не выбросил её. Но я перестал её доставать.

Мы шли ещё два дня. Я надеялся, что короткой тропой. Вскоре я стал понимать, что это не маленькая прогулка, как я предполагал сначала. Я считал шаги. Я запоминал ориентиры. Я рисовал в голове новую карту. Потому что старую я больше не мог использовать.

И тут я понял, что моя новая карта — тоже врёт.

Я думал, что лес идёт на север. Я думал, что мы должны выйти к реке. Я думал, что я запоминаю правильно. А лес поворачивал. Тропа, которая была прямой, становилась круглой. Дерево, которое я запомнил как ориентир, встречалось дважды. Я не понимал, иду ли я вперёд или возвращаюсь.

Я остановился.

— Хорхе.

Он обернулся.

— Мы уже здесь были?

Он посмотрел вокруг. Он не торопился. Он думал. Потом сказал:

— Ты — был. Я — нет.

Я не понял.

— Как это?

— Ты помнишь это место. Я — вижу его в первый раз.

Я сел. Я не мог идти. Я не понимал, что происходит. Я думал, что я заблудился. А оказалось, что я потерял не дорогу. Я потерял себя. Я больше не знал, что я помню правильно. Я больше не знал, какая из моих мыслей — это я, а какая — это карта, которую я нарисовал сам.

Хорхе сел рядом. Он долго молчал. Потом сказал:

— Ты думаешь, что помнишь. Но ты помнишь не то, что было. Ты помнишь то, что ты о нём думал. Каждый раз, когда ты вспоминаешь, ты перерисовываешь. И любая карта становится бесполезной.

Я поднял голову.

— И что делать?

Он пожал плечами.

— Ничего. Идти. Иногда — ошибаться. И проверять.

Он встал. Он пошёл. Я за ним.

На третий день я сказал то, что не хотел говорить.

Мы стояли на развилке. Тропа расходилась на три. Я не знал, куда идти. Я не знал уже ничего. Карта была в рюкзаке. Компас я перестал доставать. Я стоял и ждал, что Хорхе скажет.

Хорхе молчал.

Он смотрел на меня. Он ждал. Как тогда, в порту. Как тогда, в хижине. Он ждал, чтобы я сам сказал.

И я сказал.

— Хорхе. Я знаю храм. Но я не знаю, куда идти.

Он не улыбнулся. Он не сказал «наконец». Он просто кивнул.

— Я знаю, куда идти, — сказал он. — Я не знаю, зачем.

Мы стояли. Двое. У каждого — половина карты. У него — сель. У меня — храм. И ни один из нас не мог идти один.

— Значит, — сказал я, — надо решить вместе.

Он посмотрел на меня долго. Потом сказал:

— Тогда выбирай ты.

— Почему я?

— Потому что я не знаю, куда тебе надо. Я знаю только, где болото.

Я стоял. Я смотрел на три тропы. Я не знал, куда идти. Я знал только одно: что храм есть. Что я узнаю его, когда увижу. Что если он не здесь, то обязательно будет дальше.

Я выбрал левую.

Не потому, что она лучше. Не потому, что я уверен. А потому, что я не знал. И выбрал. Хорхе кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Проверим.

Мы пошли.

И через час я понял, что мы шли не туда. Тропа ушла в болото. Мы вернулись. Мы пошли по средней. Через два часа — снова назад. Тогда мы пошли по правой. И она вывела нас к ручью.

Хорхе сказал одно слово:

— Здесь.

Я сел. Я выдохнул. Я не знал, что мы нашли. Но я знал, что мы не заблудились.

Хорхе сел рядом.

— Ты думаешь, что мы выбрали, — сказал он. — Но мы проверили. Три раза. И только один раз — верно. Так и надо.

Я понял. Я не умел выбирать. Я умел проверять. И это было честнее, чем думать, что я знаю.

Я понял, что важно было заранее понять, пока мы сидели у ручья. Твоя решимость и желание не обещают, что ты найдёшь храм. Она не обещает, что ты перестанешь ошибаться. Она не обещает, что карта сойдётся с местностью. Она обещает только одно: если ты идёшь и проверяешь, ты не заблудишься насовсем. Ты можешь потерять тропу. Но ты не потеряешь себя.

Хорхе встал.

— Дальше — сам, — сказал он.

Я посмотрел на него.

— Как — сам?

— Ты знаешь храм. Я знаю сель. Дальше — ты пойдёшь первым.

Я встал. Я не был готов. Но я пошёл. Хорхе — за мной.

Мы шли. Лес начал меняться. Не потому, что мы вышли куда-то. А потому, что я смотрел по-другому. Я больше не верил карте. Я больше не спрашивал компаса. Я смотрел на лес. И лес отвечал.

Глава 2. Следы, которые мы не помним

На второй день мы вышли к старому лагерю.

Я не сразу понял, что это лагерь. Мне показалось — просто поляна. Трава, поваленное дерево, камни. Хорхе остановился. Он не сказал «стой». Он просто встал. И я тоже встал.

— Что? — спросил я.

Он показал рукой. Не вперёд. Вниз.

Я посмотрел. Трава была гуще, чем вокруг. Не ровная. Как будто её топтали. Давно. Очень давно. Но топтали.

— Лагерь, — сказал Хорхе.

Я не увидел лагеря. Я увидел траву. И всё.

— Чей? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Не наш.

Он присел. Он провёл ладонью по земле. Медленно. Как будто читал. Я стоял и не понимал, что он читает. Трава. Земля. Ничего.

— Смотри, — сказал он. — Здесь.

Я присел рядом. Он показал пальцем. Я посмотрел. Земля была темнее. Не намного. Но темнее. Как будто здесь что-то лежало.

— Костёр, — сказал Хорхе. — Здесь жгли. Давно. Но жгли.

Я потрогал землю. Она была обычной. Я бы прошёл мимо. Я бы не заметил.

— Как ты это видишь? — спросил я.

Он не ответил. Он встал. Он пошёл дальше. Я пошёл за ним. Я думал: сколько я не вижу. Сколько следов под ногами — чужих, старых, важных — я прохожу и не замечаю.

Мы шли ещё час. Хорхе молчал. Я тоже. Потом он остановился снова.

— Здесь, — сказал он.

Я посмотрел. Опять — ничего. Трава. Дерево. Камень.

— Что здесь?

— Сидели.

Я присел. Я всмотрелся. И увидел. Не сразу. Через минуту. У корня дерева трава была примята. Круглая. Как будто кто-то сидел. И встал. И ушёл.

— Один? — спросил я.

— Один.

— Как ты знаешь?

Он показал на траву. Примятость была одна. Не две. Не три. Одна.

Я сидел и смотрел на эту примятость. Она была ничем. Просто трава. И в то же время — след. Человек был здесь. Сидел. Думал. Может быть, плакал. Может, спал. Может, решал что-то. А потом встал и ушёл. И трава запомнила.

Я тогда впервые понял, что лес помнит. Не так, как я. Не словами. Не историями. А следами. Примятая трава. Тёмная земля. Сломанная ветка. Всё это — память. Только не моя.

Вечером мы сидели у костра. Хорхе вязал свою верёвку. Я смотрел на огонь. И думал о следах.

Я думал о том, что внутри меня тоже есть следы. Только я их не вижу. Я помню события. Помню истории. «Мне было семь лет, и я упал с велосипеда». «Меня обидели в школе». «Я не поступил». Это — воспоминания. Я могу их рассказать.

Но есть другое. Есть то, что я не помню, но что осталось. Почему я вздрагиваю, когда кто-то повышает голос. Почему я не беру трубку с незнакомого номера. Почему я ухожу в себя, когда спорят двое. Я не знаю почему. Я просто так делаю. Как будто трава примята — а кто примял, я не помню.

Хорхе посмотрел на меня.

— Думаешь?

— Думаю.

Он кивнул.

— Хорошо. Думай. Только не копай.

Я не понял.

— Почему?

Он долго молчал. Потом сказал:

— Ты найдёшь там что-нибудь. И будешь думать, что это оно. А это — не оно.

Я не понял. Я хотел спросить. Но он встал и ушёл к ручью. Я остался у костра. Я думал о том, что он сказал. И не мог понять.

Я понял позже. Через много дней. Когда мы шли и шли, и я всё пытался найти в себе тот самый след, который всё объяснит. И не находил. И злился. И искал снова. И снова не находил.

Тогда я понял: Хорхе знал, что я буду искать. И знал, что я не найду. Потому что след — не история. След — не воспоминание. След — это то, что осталось, когда история кончилась. И искать его — значит искать то, чего нет в словах. А если нет в словах — значит, не найти словами.

Я открыл дневник и записал:

След не рассказывает прошлое. Он меняет настоящее.

Утром я спросил Хорхе:

— А если я всё-таки хочу найти?

Он посмотрел на меня.

— Зачем?

— Чтобы понять.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Ты не поймёшь. Но ты можешь увидеть. Не след. А то, что он делает с тобой сейчас.

Я не понял. Он показал рукой.

— Смотри. Вон там — трава примята. Ты не знаешь, кто примял. Но ты знаешь, что здесь кто-то был. И ты уже идёшь осторожнее. Ты уже смотришь под ноги. Ты уже другой, потому что увидел след. Неважно, чей. Важно, что твой шаг изменился.

Вот что важно понять про следы. Они не рассказывают прошлое. Они меняют настоящее. Ты не узнаешь, что было. Но ты начнёшь идти по-другому. И это — всё, что нужно.

Мы пошли. Я больше не искал следы. Я смотрел на траву. И иногда — видел. Примятость. Тёмное пятно. Сломанную ветку. И каждый раз я не знал, что это было. Но я шёл по-другому. Осторожнее. Внимательнее. Своими шагами.

К вечеру Хорхе сказал:

— Хорошо.

Я не понял, за что.

— Ты перестал искать.

Он не объяснил. Он пошёл дальше. Я за ним. Я думал: наверное хорошо, что я перестал искать. Но что я нашёл вместо этого?

Глава 3. Как появляется тропа

На третий день я заметил: мы идём легче.

Я не сразу понял. Просто стало меньше лиан. Меньше корней. Нога сама находила, куда ступить. Я не думал, куда идти. Я шёл. Хорхе впереди. Я за ним. И всё.

Я тогда не понял. Я думал: лес стал добрее. Или мы вышли на хороший участок. Я думал, что нам повезло.

Вечером Хорхе сказал:

— Твоя.

Я не понял.

— Что моя?

— Тропа.

Я обернулся. Я посмотрел назад. И увидел: за нами трава была примята. Широко. Ровно. Как будто по ней ходили. Много раз. Давно. И сейчас — тоже.

— Я же её не делал, — сказал я.

Хорхе кивнул.

— Не делал. Протоптал.

Я не понял разницу. Я тогда не понял. Я понял позже.

Я стал смотреть. Не на лес. Не на Хорхе. На тропу под ногами.

Я видел, как она появляется. Не сразу. Не за один день. А постепенно. Сначала — след. Один. Потом — два. Потом — пять. Потом — трава перестала подниматься. Потом — земля стала плотнее. Потом — тропа.

Я не заметил, когда это случилось. Как я не заметил того дня, когда перестал помнить дорогу в новом городе. Как я не заметил, как привык к чему-то. Как я не заметил, как стал другим.

Вот что важно понять, пока мы идём. Тропа появляется не тогда, когда ты её прокладываешь. Она появляется раньше. Каждый твой шаг по одному и тому же месту оставляет след. И каждый следующий шаг делает его глубже. Ты не думаешь об этом. Ты просто идёшь. А тропа растёт.

Я открыл дневник и записал:

Тропа появляется не тогда, когда её прокладываешь. Она появляется раньше. Каждый шаг оставляет след.

Внезапно Хорхе остановился. Он не сказал ничего. Он показал рукой. Вниз.

Я посмотрел. Трава. Земля. Ничего. Я поднял глаза. Он смотрел на меня.

— Здесь, — сказал он.

— Что здесь?

Он присел. Он провёл пальцем по земле. Медленно. Я присел рядом. Я смотрел, куда он показывает.

Это было. Прямо под моей ногой. Вмятина. Едва заметная. Как будто кто-то наступил. Давно. И земля запомнила.

— Ты? — спросил я.

Хорхе кивнул.

— Сколько раз?

Он пожал плечами.

— Много.

Я сидел и смотрел на эту вмятину. Она была ничем. Просто след. И в то же время — всем. Потому что я её оставил. Сам. Не зная. Много раз.

Хорхе встал. Он пошёл дальше. Я шёл за ним. Я думал о том, что я уже протоптал. Не здесь. Внутри. Годами. Не зная. Не замечая. Просто ходя по одному и тому же.

Вечером мы сидели у костра. Хорхе вязал верёвку. Я смотрел на огонь. Я хотел спросить. Но не знал, как.

Он посмотрел на меня.

— Спрашивай.

— Как перестать? — сказал я. — Как перестать ходить по одному?

Он долго молчал. Он не отвечал словами. Он взял ветку. Он провёл её по земле. Прямо. Потом рядом — ещё одну. Кривую. Потом — третью. Никуда.

Я смотрел. Я не понял.

Он показал на первую. Потом — на вторую.

— Тропа, — сказал он.

Он показал на первую.

— Твоя.

Он показал на вторую.

— Не твоя.

Он показал на третью.

— Ничья.

Я смотрел на три линии. Ничего больше он не сказал. Но я понял. Три тропы. Три способа идти. Одна — моя. Одна — чужая. Одна — в никуда. И разница — не в том, как они нарисованы. Разница — в том, кто по ним ходит.

Я спросил:

— А как понять, какая — моя?

Он посмотрел на меня. Долго.

— По следам, — сказал он.

Он встал. Он ушёл. Я остался у костра. Я смотрел на три линии. Две стерлись. Одна осталась.

Утром я попробовал. Я не сказал Хорхе. Я не сказал даже себе. Я просто шёл и смотрел под ноги. Я искал свою вмятину. Ту самую. Свою.

Я не нашёл. Долго. Очень долго. До вечера. Но потом — нашёл. Там, где мы шли вчера. Я наступил туда же. Я не думал об этом. Нога сама пошла. И я увидел: вмятина стала глубже. Я сделал её глубже. Сегодня. Не зная.

Я сказал Хорхе.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Это всё?

— Это всё, — сказал он. — На первый день.

Я думал: мало. Одна вмятина. Один раз. Это ничто.

Хорхе посмотрел на меня.

— Тропу топчут годами, — сказал он. — А ты хочешь за день.

Я замолчал.

Он встал.

— Идём.

Глава 4. Перекрёстки и развилки

На четвёртый день мы снова вышли к развилке.

Две тропы. Одна — широкая, утоптанная, уходит направо. Другая — узкая, заросшая, едва заметна. Хорхе остановился. Он не сказал, куда идти. Он ждал, что выберу я.

Я выбрал широкую.

Не потому, что она лучше. Потому что она была под ногой. Я сделал шаг и только потом понял: я не выбирал. Я просто пошёл туда, куда вели.

Хорхе ничего не сказал. Он пошёл за мной. Через час мы вышли к высокой каменной гряде. Тропа кончилась. Широкая, утоптанная — и в никуда.

Мы вернулись. У развилки Хорхе остановился снова. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на узкую тропу.

Я понял, что он хотел сказать. Не то, что широкая — плохая. А то, что выбор происходит раньше, чем мы думаем. Мы выбираем не тогда, когда стоим на развилке. Мы выбираем до неё — когда идём по привычке.

Вот что важно понять. Мозг выбирает между действиями не свободно. Он выбирает по тому, что срабатывало раньше. Широкая тропа — это та, по которой ты ходил. Узкая — та, по которой ты ещё не ходил или ходил редко. И в знакомых условиях ты почти всегда выбо-

решь широкую. Не потому, что она правильная. Потому что она знакомая. А знакомое кажется безопасным.

Это не слабость. Это экономия. Мозг не может каждый раз решать всё заново. Он должен выбирать быстро. И выбирает по тому, что уже работает.

Но у этого есть цена. Если ты всегда выбираешь широкую — ты никогда не узнаешь, куда ведёт узкая. И однажды широкая приведёт тебя к болоту, и ты не будешь знать, где свернуть.

Хорхе сказал одно слово:

— Дальше.

Я пошёл по узкой. Она была труднее. Я спотыкался. Я не понимал, куда она ведёт. Но я шёл. И через час мы вышли к ручью. Чистому. Такого я не видел раньше. Он был на этой тропе, а не на той.

Мы сели. Хорхе молчал. Я тоже. Я думал о том, что развилка — это не место. Это момент, когда ты замечаешь, что можешь выбрать. И пока ты не заметил — ты не выбираешь. Ты просто идёшь туда, куда ведёт.

Вечером я спросил Хорхе:

— А если бы я не пошёл по широкой? Сразу бы пошёл по узкой?

Он долго молчал. Он смотрел на огонь. Потом сказал:

— Нет.

Я не понял.

— Почему?

— Ты должен был увидеть болото, — сказал он. — Иначе бы не поверил.

Я замолчал. Я думал о том, что он сказал. И понял: ошибка — это не потеря. Это то, что даёт тебе основание выбирать иначе. Без болота — узкая тропа была бы просто другой. А с болотом — она стала нужной.

Хорхе встал.

— Спать.

Я лёг. Я долго не мог уснуть. Я думал о том, что мы выбираем не там, где думаем. И что ошибка — не враг. Ошибка — это то, что делает выбор возможным.

Я открыл дневник и записал:

Ошибка — не потеря. Это то, что даёт основание выбирать иначе.

Утром Хорхе сказал:

— Завтра — сель смыкается.

Я посмотрел на него.

— Что это значит?

— Троп будет меньше, — сказал он. — Сель будет другой. Пойдём медленнее.

Я кивнул. Я не понял тогда, что он имел в виду. Я понял позже. Когда мы вошли дальше. Где тропы уже не просто широкие или узкие. Где они ведут по инерции. Где свет пробивается реже. Где начинается настоящий лес.

Глава 5. Повторение: протаптывание маршрута

На пятый день я шёл и не смотрел под ноги.

Я не заметил этого сразу. Просто шёл. Просто думал. О чём — не помню. О доме. О том, что было до этого леса. О том, что будет после. Обо всём, кроме того, куда я ступаю.

И тогда я увидел: тропа есть. Она была под ногами. Моя. Я её протоптал. Не замечая. За четыре дня.

Я остановился. Я посмотрел назад. Следы были видны. Я их оставил. Я. Сам. Не думая. Не желая. Просто идя.

Хорхе остановился впереди. Он не обернулся. Но он знал, что я стою.

— Догоняй.

Я пошёл. Я смотрел под ноги. Теперь — смотрел. И я видел больше. Я видел, как каждый шаг делает след. Как след становится глубже, если я наступаю туда снова. Как трава перестаёт подниматься. Как земля становится плотнее.

Это не магия. Это повторение. То, что повторяется, — остаётся. То, что однажды, — уходит. Как лист на ветру. Как слово в разговоре. Как человек, который прошёл мимо и не вернулся.

Я подумал: сколько я протоптал сам? Не здесь. В себе. И не заметил. И не знаю, куда эти тропы ведут.

Хорхе шёл впереди. Он не оборачивался. И я понял: он знает это давно. Он не рассказывает. Потому что рассказать — нельзя. Можно только идти и смотреть.

Днём лес стал тише.

Сначала я не понял, почему. Птицы замолчали. Даже насекомые звучали реже. Воздух стал плотным, как перед грозой, но небо оставалось ясным.

Хорхе остановился.

Он не поднял руку. Не сказал «стой». Просто остановился — и я остановился.

— Слушай, — сказал он.

Я слушал. Сначала ничего. Потом — слева, за стеной листьев, что-то тяжёлое двинулось по земле. Не быстро. Не к нам. Но близко.

Я замер.

Хорхе медленно опустил мачете. Не спрятал. Просто опустил, чтобы металл не блестел.

— Не двигайся, — сказал он тихо.

Я смотрел туда, откуда шёл звук. Сначала видел только зелень. Потом заметил: ветки на высоте человеческого роста дрогнули. Ещё раз. Ещё. Что-то большое шло сквозь кусты, не выбирая дороги.

Из зарослей вышла самка тапира.

Большая, тёмная, коротконогая. Она не увидела нас сразу. Она шла своей тропой — узкой, примятой, почти невидимой. Я бы прошёл мимо и не заметил. Но она знала этот путь. Шаг за шагом. Не глядя под ноги.

Она остановилась в десяти шагах.

Подняла морду.

Я не дышал.

Хорхе тоже не двигался. Он смотрел не на неё, а чуть в сторону — как будто давал ей пространство. Как будто понимал: сейчас важно не быть интересным.

Самка тапира посмотрела на нас. Ноздри её дрогнули. Потом она повернула голову и ушла. Не убежала. Просто ушла — туда, куда шла.

Секунд через десять лес снова задышал. Вернулись птицы. Зазвенели насекомые.

Я выдохнул.

— Она знала тропу, — сказал я.

Хорхе кивнул.

— Её тропа.

— Она каждый день ходит?

— Наверное.

— И никто её не учил?

Хорхе посмотрел на меня.

— Учила жизнь.

Я стоял и думал об этом. Самка тапира не выбирала тропу каждое утро. Она шла по той, которая уже была. По той, которую протоптали до неё. Может быть, она сама. Может быть, её мать. Может быть, десятки животных до неё.

Так и человек.

Мы пошли дальше. Теперь я смотрел не только под ноги, но и по сторонам.

Я увидел следы на грязи у ручья. Большие, круглые, с длинными пальцами. Я остановился.

— Это она?

Хорхе присел. Провёл пальцем рядом со следом, не касаясь его.

— Нет. Это старше.

— Чьи?

— Кайман.

Я посмотрел на воду. Она была тёмная, спокойная. Никакого движения.

— Он здесь?

— Может быть.

— А мы перейдём?

— Не здесь.

Он повёл нас выше по ручью, к мелкому перекасту. Там вода шумела по камням, и дно было видно. Мы перешли быстро, не разговаривая. На другом берегу я обернулся. Вода выглядела так же, как раньше. Тихо. Пусто.

Но теперь я знал: пустым оно не было.

За ручьём тропа стала хуже.

Трава была выше. Корни переплетались под ногами. Мачете приходилось рубить чаще. Я устал. Пот тек по спине. Руки гудели от ударов.

Я шёл и думал о воде. О том, как хотелось пить. О том, что фляга почти пуста. Я достал её, сделал два глотка и хотел закрыть.

Но в этот момент слева хрустнула ветка.

Я обернулся.

Фляга выскользнула из руки.

Я услышал, как она упала в траву. Потом — глухой звук. Будто она покатилась под корни.

— Хорхе, — сказал я. — Фляга.

Он остановился. Обернулся.

— Где?

Я показал назад.

— Там. Я уронил.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Иди ищи.

Я вернулся. Я раздвигал траву. Я смотрел под корни. Я помнил место: рядом был поваленный ствол, слева — куст с широкими листьями. Но когда я дошёл туда, всё выглядело иначе. Тропа, по которой мы шли, была не одна. Вокруг были другие следы. Мои. Ещё мои. И чьи-то чужие.

Я искал долго.

Сначала злился. Потом начал бояться. Не потому, что боялся остаться без воды. А потому, что понял: я шёл и не замечал. Я думал, что иду по своей тропе. А на самом деле я уже не знал, где она.

Хорхе стоял в стороне. Он не помогал.

— Не спеши, — сказал он наконец. — Смотри.

— На что?

— На то, где ты был.

Я замолчал.

Я стал смотреть иначе. Не искать флягу глазами. А вспоминать шаги. Где я остановился. Куда повернул голову. Какой стороной держал флягу. Где был шум.

И тогда я увидел блеск.

Фляга лежала под корнем, почти целиком скрытая листьями. Я поднял её. Внутри ещё плескалась вода.

Я вернулся к Хорхе.

Он посмотрел на флягу. Потом на меня.

— Нашёл?

— Нашёл.

— Как?

— По своим следам.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я ждал большего. Он не сказал больше ничего. Но я понял: это и был урок. Тропа — не линия на земле. Тропа — это то, что ты можешь вспомнить, когда потерял дорогу.

К закату мы вышли на небольшую поляну у старого поваленного дерева.

Хорхе сказал:

— Здесь ночуем.

Я стал собирать хворост. Я хотел сделать костёр большим. Таким, чтобы было светло. Таким, чтобы темнота отступила.

Хорхе остановил меня.

— Мало.

— Почему?

— Свет виден.

— Кому?

Он посмотрел в лес.

— Всем.

Я посмотрел туда же. Там не было ничего. Только чёрные стволы и листья. Но теперь я знал, что «ничего» не значит «никого».

Мы разожгли маленький костёр. Почти без огня. Хорхе сел спиной к дереву. Я сел рядом. Я держал мачете на коленях.

Потом я услышал его.

Сначала — далеко. Низкий, долгий звук. Не рёв. Не крик. Что-то между ними. Он шёл со стороны реки.

Я замер.

— Что это? — прошептал я.

Хорхе не ответил сразу.

— Ягуар.

У меня похолодели руки.

— Он близко?

— Не знаю.

— Он придёт?

— Может быть.

— Что делать?

— Ничего.

— Как — ничего?

Хорхе посмотрел на меня.

— Не беги. Не свети. Не шуми. Сиди.

Я сидел.

Звук повторился. Дальше. Потом ещё раз. Совсем далеко.

Лес снова стал тихим.

Я долго не мог уснуть. Я слушал каждый шорох. Каждую ветку. Каждое движение воды. Мне казалось, что за темнотой кто-то смотрит. Что джунгли не спят. Что они видят нас, а мы их — нет.

Хорхе сказал тихо:

— Спи.

— А если он придёт?

— Тогда будет утро.

Я не понял, что он имел в виду. Но закрыл глаза.

Утром лес был мокрый. На листьях сидели капли. Воздух пах землёй и дымом.

Я вышел к ручью умыться. И увидел следы.

Не тапира. Не каймана.

На мягкой земле у воды были отпечатки лап. Большие. Круглые. С вмятинами от когтей.

Я позвал Хорхе.

Он подошёл. Присел. Смотрел долго.

— Он был здесь, — сказал я.

— Ночью.

— Зачем?

Хорхе пожал плечами.

— Пил. Шёл. Жил.

— А мы?

— Мы спали.

Я смотрел на следы. Они уходили вдоль ручья и терялись в траве. Ягуар прошёл рядом с нами. Может быть, когда я ещё не спал. Может быть, когда я уже спал. Он не пришёл к костру. Не напал. Просто прошёл своей тропой.

И ушёл.

— Он знал, что мы здесь? — спросил я.

— Наверное.

— И не пришёл?

Хорхе встал.

— Ему не надо.

Я подумал об этом. Весь день. Пока мы шли. Пока я смотрел под ноги. Пока я замечал свои следы и чужие.

Я думал не о том, что джунгли опасны. Я думал о том, что они не вращаются вокруг меня.

У самки тапира была своя тропа. У каймана — своя вода. У ягуара — свой путь. У меня — мой.

И моя тропа не была главной. Она была просто одной из многих.

Вечером Хорхе остановился у дерева. Странного дерева. Оно росло поперёк тропы. Не повалено. Росло. Как будто лес сказал: здесь — нет.

Хорхе обошёл его слева. Я пошёл за ним. Справа была тропинка. Широкая. Утоптанная. Кто-то ходил там. Много раз. И не обошёл дерево.

— Хорхе.

Он обернулся.

— Здесь тропа.

Он посмотрел. Долго. Потом сказал:

— Знаю.

— Почему не пошли?

Он пожал плечами.

— Не моя.

Я не понял. Я стоял и смотрел на тропинку. Она была лучше. Шире. Прямее. Легче. А мы шли по траве. Слева. Никакой. Неудобно.

— Почему? — спросил я.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Чужая тропа ведёт в чужой сель.

И пошёл дальше. Я за ним. Я не понял тогда. Я понял позже. Чужая тропа — это не твоя. Даже если она удобнее. Даже если она шире. Ты идёшь по ней — а приходишь не туда, куда шёл. Приходишь туда, куда шёл тот, кто её проложил.

Вечером мы снова сели у костра. Хорхе вязал верёвку. Я смотрел на огонь.

— Я думал, джунгли — это про меня, — сказал я. — Про мои тропы. Про мои привычки.

Хорхе не поднял глаз.

— А они про что?

— Теперь не знаю.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

Он положил верёвку на колени.

— Потому что ты перестал думать, что лес существует для тебя.

Я молчал.

— Самка тапира идёт своей тропой, — сказал он. — Кайман ждёт у своей воды. Ягуар идёт своим путём. Ты идёшь своей. Сель не твой. Но ты можешь научиться в нём быть.

Я посмотрел в темноту за костром. Там были деревья, корни, вода, звери, тропы, которых я не видел. Я больше не думал, что джунгли — это декорация для моего пути.

Я был гостем.

И, может быть, учеником.

Я открыл дневник и записал:

Тропа — это не линия на земле. Это то, что ты выбираешь снова.

Я уснул. Утром мы пошли снова. По траве. Слева. Своей.

Глава 6. Когда старая дорога мешает

На шестой день мы вышли к обрыву.

Я узнал это место. Я был здесь. Вчера. Или позавчера. Я не помнил точно. Может, я видел это место во сне. Но я помнил край. Дерево. Воздух.

Тропа, по которой мы шли, упиралась в край. Дальше — ничего. Только воздух и далёкие деревья на другой стороне.

Я стоял и не понимал. Тропа была такой широкой. Такой надёжной. Она вела уверенно. И вдруг — тупик.

Хорхе сел на камень. Он не выглядел удивлённым.

— Так бывает, — сказал он. — Дорога хорошая. Просто не туда.

Я хотел вернуться и найти другой путь. Но ноги сами тянули меня снова на эту тропу. Я делал шаг, и мне казалось, что дальше будет поворот. Что я просто не заметил развилку. Но развилки не было.

— Не иди, — тихо сказал Хорхе.

Я остановился. И только тогда почувствовал: это не сель меня толкал. Это я сам. Тропа была настолько привычной, что тело продолжало выбирать её, даже когда она перестала работать.

Я сел рядом с Хорхе. Я не знал, что делать. Впервые за всё время — не знал. Я смотрел на край. Думал. Ждал.

Хорхе молчал. Он смотрел вперёд. Как будто видел что-то там, где я видел только воздух.

— Что там? — спросил я.

— Ничего. И то, что надо.

Я не понял. Он встал.

— Идём. Не по ней. Рядом.

Мы отошли в сторону. Там была трава. Корни. Лианы. Никакой тропы. Но мы начали идти. Медленно. Осторожно. Каждый шаг был новым.

Через час я почувствовал: идти стало легче. Не так, как по старой тропе. Но уже не так тяжело, как в начале. Новая тропа начинала появляться.

Старая дорога никуда не исчезла. Она осталась. Но теперь у неё был сосед. И в следующий раз, стоя у обрыва, я смогу выбрать не её.

Хорхе сказал одно слово:

— Хорошо.

Я не понял, что хорошо. Он не объяснил.

К полудню мы вышли к реке.

Не к ручью. К настоящей реке. Широкой, тёмной, медленной. Она несла листья, ветки, обрывки корней. На другом берегу сель стоял стеной. Между нами и им — вода.

Хорхе остановился.

— Не переходим.

— Почему?

— Сильное течение.

— Но на карте здесь указан брод.

— Река не читает карту.

Я посмотрел на воду. Она выглядела спокойно. Только у середины виднелись тёмные завихрения. Я вспомнил следы каймана у ручья. Вспомнил, как Хорхе тогда увёл нас выше, к мелкому перекату.

— А здесь вообще есть брод? — спросил я.

— Есть. Но не сейчас.

— А когда?

— После дождя. Или раньше. Река решает.

Я сел на камень. Мне не нравился этот ответ. Я привык, что если есть цель, должен быть путь. Если есть река — должен быть мост. Если есть карта — должна быть дорога.

Хорхе сел рядом. Он не смотрел на меня. Он смотрел на воду.

— Ты злишься, — сказал он.

— Нет.

— Злишься.

Я молчал.

— Ты думаешь: почему сель не даёт мне пройти? — сказал он. — Почему река не слушает? Почему тропа кончилась?

Я не ответил. Но он был прав.

— Потому что сель не обязан, — сказал Хорхе. — Река не обязана. Тропа не обязана. Ты пришёл сюда со своей картой. А здесь живёт не твоя карта.

Мы пошли вдоль берега.

Через час я увидел старую тропу.

Она начиналась у воды и уходила в сель. Широкая. Утоптанная. Сухая. По ней явно ходили. Много раз. Она выглядела так, как будто вела куда-то важное.

Я остановился.

— Сюда?

Хорхе посмотрел на тропу. Потом на реку. Потом на меня.

— Нет.

— Но она ведёт вдоль реки.

— Ведёт.

— И она сухая.

— Ведёт.

— Тогда почему нет?

Он не ответил сразу. Он подошёл к началу тропы. Присел. Провёл ладонью над землёй, не касаясь её.

— Смотри.

Я присел рядом.

Сначала я ничего не понял. Просто утоптанная земля. Потом увидел: по краям тропы трава была сломана не человеком. Ветки обглоданы. На мягкой земле — отпечатки копыт. Много. Свежие и старые. Они шли друг за другом, почти по одному следу.

— Тапиры, — сказал Хорхе.

— И что?

— Это их тропа.

— Но мы можем пройти.

— Можем.

— Тогда почему нет?

Он встал.

— Потому что она ведёт к воде.

Я посмотрел вдоль тропы. Действительно: она спускалась к реке, к широкому отмелому месту. Там вода была спокойнее. Там можно было бы перейти.

— Разве это плохо?

— Для них — нет. Для тебя — может быть.

— Почему?

Хорхе посмотрел на воду.

— Потому что они знают, где мелко. Ты — нет.

Я молчал.

Он добавил:

— И потому что там ждут те, кто знает, что к воде приходят пить.

Я вспомнил следы каймана. Вспомнил ягуара у ручья. Вспомнил, как самка тапира ушла своей тропой, не оглядываясь.

Я встал.

— Идём дальше?

— Вдоль. Но не по их тропе.

Мы пошли выше по берегу. Тропы не было. Мы шли по камням, по корням, по мокрой траве. Я спотыкался. Руки были в земле. Мачете то и дело цеплялось за лианы.

Через час я начал злиться.

Не на Хорхе. Не на реку. На всё сразу. На то, что мы идём медленно. На то, что я не знаю, куда. На то, что старая тропа была там — сухая, удобная, готовая. А мы выбирали трудное.

Я остановился.

— Может, всё-таки вернуться?

Хорхе остановился. Не сразу обернулся.

— Куда?

— К той тропе. У воды.

— Зачем?

— Она ведёт вдоль реки. Может, там есть брод.

— Может быть.

— Тогда почему мы не проверим?

Он повернулся ко мне. Спокойно. Без упрёка.

— Потому что ты хочешь проверить не тропу. Ты хочешь вернуться туда, где легче.

Я замолчал.

Он был прав. Мне не хотелось узнавать, есть ли брод. Мне хотелось, чтобы старая дорога снова стала правильной. Чтобы она вела туда, куда я хотел. Чтобы мне не пришлось идти рядом, по траве, без тропы.

— Старая тропа не плохая, — сказал Хорхе. — Она просто ведёт не туда.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты уже ходил по ней.

Я посмотрел назад. Тропа у воды исчезла за деревьями. Но я чувствовал её. Как будто она тянула. Как будто говорила: вернись. Там сухо. Там понятно. Там никто не заставляет тебя рубить новую дорогу.

К вечеру начался дождь.

Сначала — редкие капли. Потом — сплошная стена воды. Сель зашумел так, будто весь заговорил сразу. Земля под ногами стала скользкой. Мы искали место для ночёвки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.